

Судьба цыганская / рассказ

Category: Некаъалар, Китарсу

написано китарсу | 24 января, 2025

Судьба цыганская / рассказ СУДЬБА ЦЫГАНСКАЯ

Кому неизвестно, какую роль в нашей жизни играет случай?! Намечаешь одно, и вроде всё идёт, как задумал, и вдруг, раз, и жизнь потекла совсем по другому руслу. По лучшему или худшему, особый разговор, но по иному. Задумываешься об этом, и тут выявляется тот самый случай, о котором и идёт речь.

Уместно подтвердить это размышление судьбой Романа Шелестова. Но поначалу о нём самом. К тому времени, в которое проявился случай, ему исполнилось шестнадцать лет. Жил он в Чкаловске, небольшом городе на севере Таджикистана, учился в девятом классе. Заботилась о нём и растила его бабушка. Мать умерла от затяжной болезни, когда ему исполнилось четыре года. Отец – геолог погиб в изыскательский сезон, попал в горах под камнепад. Так Роман в девять лет остался круглым сиротой, и бабушка заменила ему родителей.

От отца и матери осталась двухкомнатная квартира в дальней части города, возле озера. Бабушка получала пенсию и работала вахтёром на телефонной станции. Роман тоже получал пенсию, в связи с потерей кормильца. Все эти деньги складывались в одно, на жизнь хватало, хотя, как говорится, не роскошествовали.

Роман был серьёзным парнем, понимал, что надеяться ему не на кого. Его целью было окончить десятилетку, а потом поступит в Горный техникум в Чкаловске. Если не получится, всякое может быть, тогда призовут на службу в армию. Тоже неплохо, получит специальность, будет основа для самостоятельной жизни.

Но не зря сказано: человек предполагает, а Бог располагает. В справедливости этой истины Роману предстояло убедиться.

Следует заметить, что он отличался от своих сверстников. Писался русским, но был смуглым. Волосы иссиня-чёрные, с искоркой. Брови густые, сросшиеся, глаза тёмно-карие. Рост выше среднего, занимался спортивной гимнастикой, и потому был мускулистым, гибким и подвижным. Бабушка в молодости тоже была

черноволосой и дивилась, глядя на внука. «Вроде не припомню, – говорила она, – чтобы в роду у нас были цыгане или кавказцы, а вот, поди ж ты, ничего от русских. Странно природа распорядилась». Откуда ей было знать, что в дальнейшем судьба распорядится ещё причудливее ...

В понедельник ученикам повезло, хотя говорить так было бы кощунством. Заболела учитель английского языка, и домой девятиклассники пошли не в два часа дня, как обычно, а в двенадцать. Романа это порадовало, можно было пообедать, не торопясь почитать книжку, а потом пойти на тренировку.

Весна – красивая пора в Таджикистане, а в Чкаловске особенно. Сине-голубое небо кажется беспредельным, редкие белые облака контрастируют с его великолепием. В городе много зелени, акации вскипают белой пеной цветения. В коттеджах много палисадников, и цветочные клумбы струят одуряющий аромат. Но всего роскошнее вишнёвые деревца. Они, как модницы, в белоснежном наряде. Лепестки летят по воздуху, ветерок сбивает их у заборов в груды, и они напоминают зимние сугробы.

Роман неторопливо шагал по тротуару, он словно впитывал в себя тепло солнечного дня и ароматы цветения. Благодатная пора одаряла людей своими щедротами.

Но вот и дом. Он поднялся на второй этаж, вставил ключ в замочную скважину, но ключ не проворачивался. Парень удивился, потянул дверь на себя и она отворилась. Подобного прежде не случалось.

Он вошёл в квартиру, услышал шорох в смежной комнате, служившей ему спальней, и заглянул туда. Увидел девушку. Она стояла в углу и прижимала к себе большую брезентовую сумку. С первого взгляда стало ясно, что это цыганка.

В конце прошлой недели классный руководитель предупредила учеников, что на окраине города расположился цыганский табор и следует быть осторожными. И вот Роману предстояло познакомиться с представительницей этого беспокойного племени. Цыганка была немного старше Романа. Худая, носатая, губы тонкие, брови густые, походили на мазки чёрной краской. Глаза большие, смотрела насторожённо. Голова обвязана платком,

цветная кофточка и широкая, тёмная юбка, украшенная яркими узорами.

– Только не бей меня, – проговорила она. – Твои вещи, вот они, все целые. Я ничего не унесла.

Роман усмехнулся, настолько услышанное было нелепым. Задержись он на полчаса, и всех этих вещей они бы с бабушкой не увидели. Он подошёл к цыганке и взял сумку из её рук. Она отдала её без сопротивления. Роман открыл сумку и посмотрел в неё. Сверху лежали его единственные приличные брюки и свитер. Дальше бабушкина кофта и туфли, потом скатерть, простыни, пододеяльник.

Роман вздохнул и покачал головой. Цыганка отобрала всё лучшее, что они имели. Она пристально смотрела на него. Глаза у неё были чёрные, блестящие, как у кошки.

– Только не бей, – повторила она ещё раз. – Ты же мужчина, тебе стыдно потом будет.

Парень покачал головой.

– Воровать не стыдно, а бить за воровство нельзя?

Цыганка поспешила возразить.

– Я же не унесла вещи, значит, это не воровство. Может, я просто хотела посмотреть на них. Вот если бы унесла, тогда это было бы воровство, – добавила она наставительно.

– Может, и так, – согласился Роман. – Ну, раз ты такая разумная, скажи, что мне делать с тобой?

Самое интересное, он действительно не знал, что с ней делать... Позвонить в милицию, но в квартире не было телефона, не было его и у соседей тоже. Телефоны ставили только начальникам, в середине пятидесятих годов прошлого века они были признаком роскоши. Вести в милицию, но это далеко, и прохожим любопытно будет.

– Отпусти меня, – поспешила цыганка. – Мы с тобой уже познакомились, может, друзьями будем, так мне сердце говорит.

Самое интересное, она не проявляла стремления убежать, а ведь могла, когда он разглядывал содержимое сумки. Хотя вряд ли, догнать её Роману было несложно.

– Как ты попала в квартиру? – поинтересовался он.

– У вас простой замок, сам открывается.

Она вытащила из кармана юбки связку отмычек и показала парню.

Он покачал головой.

– Серьёзно подготовилась. Ладно, иди.

Вещи он извлёк из сумки и бросил на кровать.

– Сумку отдай, – сказала она просительно. – Как я без сумки буду работать?

Роман снова едва не засмеялся. Действительно, с её занятием без сумки не обойтись. Цыганка была настолько необычной, что начала забавлять его.

– Давай, топай, – сказал он и жестом руки указал на выход.

Она не торопилась.

– Послушай, дай отдохнуть. С шести часов я на ногах, устала как собака. И ты напугал меня, ноги не идут.

Ну, что с ней было делать?!

– Отдохни, – согласился Роман.

Она прошла в большую комнату и села на старый диван. Расправила юбку. Вытянула ноги, отвалилась на спинку дивана и прикрыла глаза. Но просидела так недолго.

– Не получается отдых, – посетовала она. – Ты виноват, не вовремя пришёл. Никак не успокоюсь. И не ела я со вчерашнего вечера. Давай чай пить. Смотри, что у меня есть.

Она порылась в сумке, достала со дна лепёшку, два яблока и несколько кусочков сахара.

Роман посмотрел на настенные часы с кукушкой. Два часа, пора обедать, а к четырём часам на тренировку.

– Тогда уж давай пообедаем, – предложил он. – С твоих яблок сыт не будешь. Иди, мой руки, а я пока приготовлю еду.

Должно быть, действительно цыгане могут гипнотизировать, иначе с чего бы он предложил ей разделить с ним трапезу?

Она прошла в ванную, а он в кухне разогрел суп, разлил по тарелкам, разломал лепёшку.

Цыганка села за стол. Она умылась, выглядела посвежевшей.

– Как тебя зовут? – спросила она.

– Роман.

– Ромале чаве. Я сразу подумала, что ты наш. Похож на цыгана. Калес.

- Что это значит? – поинтересовался он.
- Калес – значит чёрный. Так мы называем себя, – пояснила она.
- А меня зовут Земфира. Красивое имя?
- Красивое, – согласился Роман. – Пушкинское имя.

Цыганка удивилась.

- Зачем пушкинское? Цыганское.
- Поэт был такой, – пояснил парень. – Давно жил. У него героиня была Земфира. Ты что, не слышала о Пушкине?

Она пожала плечами.

- Где я могла слышать? Я всего три года ходила в школу. Могу писать, читать, считать. Что ещё цыганке надо? Отец сказал: хватит того, что знаешь. Остальному жизнь научит.

– А кто твой отец?

- Он баро, главный в таборе. У него кроме меня ещё три дочери и два сына. Нас много.

– Большая семья, – согласился Роман.

– У нас семья – это табор. Мы все родня друг другу.

Земфира ела неспешно, хотя была голодной, и это понравилось парню. Не чавкала, не сорила хлебными крошками.

Поев, предложила.

– Давай, я помою посуду.

Парень махнул рукой.

– Чего там мыть, две тарелки. Иди, мне надо собираться на тренировку.

– Ухожу, – согласилась она. – Только это не по-нашему получается. Ты пожалел меня, накормил, я должна отблагодарить тебя

– Каким образом? – поинтересовался парень. – Ты внесла свою долю в обед. Мы съели твою лепёшку, яблоки, пили чай с сахаром. Вполне достаточно.

Земфира достала из кармана юбки потрёпанную колоду карт, зашелестела ими, перетасовывая.

– Хочешь, погадаю тебе? Будешь знать, что тебя ждёт.

Роман засмеялся.

– Я и без этого знаю.

– Э, не говори так, – молодая цыганка погрозила пальцем. –

Много неожиданностей ждёт тебя в жизни, многих бед сумеешь избежать.

Парень несогласно покачал головой.

– Ладно, с этим успеется. Сейчас некогда.

Земфира направилась к двери.

– Будь здоров, ромале, скоро увидимся.

Она шла, шелестя юбками. Они обвивались вокруг её ног, и цыганка словно плыла по воздуху.

Вечером Роман рассказал бабушке о том, как их хотели обворовать, и о своём знакомстве с цыганкой.

– О, Господи, – бабушка даже перекрестилась. – Вот сатанинское племя. Держись от неё подальше, ещё беду накличет.

– Всё, когда теперь с ней увидимся?

Но увиделись через три дня.

Роман шёл из школы и заметил цыганку. Она сидела на детской площадке, под грибком, как раз напротив его дома. Грибок укрывал её от солнечных лучей. Была середина дня, и весеннее солнце щедро заливало теплом пробудившуюся землю. Земфира приветственно махнула рукой, и Роман подошёл к ней. Она была какая-то растрёпанная, волосы взбиты, на щеке царапина.

– Что с тобой? – спросил парень.

Цыганка всхлипнула.

– Побили меня на базаре, – пожаловалась она. – Хотела к обеду яблок тебе принести, но поймали, я сумела вырваться, убежала. Хотя четыре яблока осталось.

– И много было?

– Килограмма два, в пакете.

Он укоризненно покачал головой.

– И без них бы поели. Яблоки прошлогодние, никакого в них вкуса.

– Это верно, – согласилась Земфира, – но что-то принести нужно было. Ты – мой ром, к тебе нельзя без ничего приходить. Можешь сказать, что я плохая роми. Хорошо, лаве остались, с утра нагадала двум девушкам, спасибо говорили.

– Что такое лаве?

– Деньги.

– А ром кто такой?

– Жених, по-вашему, будущий муж.

Удивление парня возросло.

– Какой я – будущий муж? С чего ты это взяла?

Она развела руками.

– Так карты говорят. Они никогда не врут.

Парню стало жалко её. Бить девушку за какие-то яблоки? Ну, отобрали бы и прогнали, как сделал он. Хотя, правда, он не прогнал её. Цыган не любят, и, стоит признать, есть за что.

– Ладно, вставай, – сказал он. – Пошли обедать.

Земфира была пыльной, от неё резко пахло потом. Видно, побег с яблоками дался ей нелегко.

– Иди, приведи себя в порядок, – он указал рукой на ванную.

Теперь она искупалась в ванне. Чистая, причёсанная, пахнущая туалетным мылом, она показалась Роману симпатичной.

– Вот это другое дело, – одобрил он и пошутил, – такую и полюбить можно.

– Полюбишь, – спокойно отозвалась она. – Я же сказала тебе: ты мой ром, будущий муж.

– Разве у тебя нет цыганского парня?

– Есть, но он мне противен. Отец не стал принуждать меня. Сказал, раз так, сама ищи себе мужа. Наш цыганский Бог помог мне в этом, послал мне тебя.

Она говорила просто и убеждённо, как о само собой разумеющемся, и ему оставалось только отмолчаться на эти слова.

– Тебе обязательно воровать? – спросил парень. – Ведь побили тебя.

Земфира удивлённо посмотрела на него.

– А как иначе? – спросила она. – Это же моя работа. Воровать, гадать. Ведь я же цыганка. Это моё основное занятие.

– И обманывать тоже, – подсказал он.

Она согласилась.

– И обманывать, а по-другому как жить? К концу дня мы приносим в табор всё, что удаётся добыть за день. Когда ты будешь мой ром, у нас будет свой шатёр, тогда я буду туда приносить добытое, а ты своё. У нас будет цыганская семья.

Ну, что мог Роман сказать Земфире на это? В её словах была такая убеждённость, что им противопоставить было нечего.

Они пообедали. Он убрал со стола, вымыл посуду, а когда зашёл в комнату, то увидел, что Земфира спит на диване. Поджала ноги, укрылась его байковым одеялом и выглядела такой беззащитной, что Роман засмотрелся на неё. Она была во всём необычной, была порождением другого мира, и этим привлекала к себе парня.

Цыганка проспала часа два и пробудилась как раз перед тем, как ему надо было уходить.

– Спасибо тебе, сказала она благодарно. – Я словно заново на свет родилась.

– А в таборе, где купаешься?

– В речке, – ответила она. – У нас бани нет. Вечером прихожу в табор, ужинаем, а потом с сёстрами идём купаться. Там и стираем.

– Но ведь вода холодная?

– Привыкла.

– А зимой?

– Зимой – как придётся. Греем воду на костре, но часто мыться не удаётся. Нас много, в шатре по пять-шесть человек, только ночуем, а утром расходимся. Если дождь, конечно, пережидаем. Иногда моемся в городской бане, – добавила она, – но это дорого.

– Да, нелегко вам приходится, – посочувствовал парень.

– Это наша жизнь, – спокойно ответила Земфира.

– А как питаетесь? – Роману был любопытен цыганский образ жизни.

– Утром не завтракаем, днём едим то, что удаётся достать. Хлеб, вода, пирожок. Ужин в таборе готовят пожилые цыганки, но это, когда все собираемся.

– Получается, целый день голодная?

Она согласилась.

– Получается так. У нас говорят: собака на ходу всегда найдёт еду.

– То-то ты такая худая.

Она улыбнулась.

– Будешь худой, но и ты не толстый. Это мне сейчас с тобой так повезло, часто обедаю.

Земфира приходила через день, через два. Так прошло полгода. Роман стал привыкать к ней, более того, начинал скучать, если долго не видел её. Объяснялось его привыкание просто. До сих пор он не встречался с девушками, одноклассницы не в счёт, они просто не замечались. Потребность излить на кого-то скопившиеся чувства назревала в нём, и теперь излилась на молодую цыганку. Она была необычной, в ней уживались примитив необразованности и житейская мудрость, почёрпнутая на улицах. Она во всём была удивительной, а кому неизвестно, что всё из ряда выходящее, привлекательно. Она была красива цыганской красотой, которая не замечается сразу, потому что не свойственна окружающим её девушкам.

– Ты верующая? – спросил он как-то.

Она кивнула.

– Мы христиане.

– Все цыгане христиане? – допытывался парень.

– Не все, – ответила Земфира. – В какой стране калес живут, религию того народа и исповедуют. Есть мусульмане, это цыгане-люли в Средней Азии, есть католики, зороастрийцы.

– Тогда я не понимаю, – Роман пожал плечами. – В заповедях Христа сказано «Не укради!», а у вас воровство – основное занятие.

Земфира снисходительно посмотрела на него.

– Воровство нам разрешено Богом.

– Как это? – удивился парень.

– У цыган есть предание. Когда Христа вели на казнь, цыгане украли у римских легионеров два гвоздя, которыми его должны были прибить к кресту. Должны были прибить шестью гвоздями, а прибили четырьмя. Тем самым облегчили ему муки. И тогда Бог разрешил нам воровать, но понемногу. Потому воровать для нас – не грех, а средство к жизни.

– Вон оно что, – протянул Роман. – Серьёзное оправдание.

Молодая цыганка многое не умела. Не умела вкусно готовить, хорошо стирать, убирать в доме. Когда ей было этому учиться,

кочевая жизнь приучила таборных цыган обходиться малым. И теперь, прибившись к дому Романа, она осваивала эти женские занятия и радовалась, когда он хвалил её.

– Как ты до сих пор не встретила с моей бабушкой? – поинтересовался как-то Роман.

Земфира засмеялась.

– Я умная. Прежде, чем идти к тебе, я иду к телефонной станции. Если твоя бабушка сидит на проходной, значит, квартира свободна. Хотя бабушка у тебя добрая, я бы сумела найти путь к её сердцу.

Роман удивился.

– С чего ты это взяла?

– Я же цыганка. Мне достаточно взглянуть на человека, и я вижу: добрый он или злой. Можно на нём заработать или лучше пройти мимо? Когда ты застал меня в своей квартире, я сразу поняла, что ты не станешь бить меня, а, наоборот, пожалеешь. Сердце у тебя отзывчивое.

Конечно, бабушка Романа знала о странной дружбе её внука с молодой цыганкой и о том, что та бывает в их доме, и не одобряла этого. Соседи доложили, а один шофёр, дядя Вася, даже как-то выговорил парню: «Смотри, брат, если твоя черномазая мошенница очистит наши квартиры, мы с тебя спросим». «Ну, не очистила же до сих пор», – отговорился Роман. «Так-то оно так, – последовал ответ, – но всё до поры, до времени».

Потребовалось несчастье, приключившееся с Романом, чтобы соседи изменили своё мнение о цыганах. Его бабушка часто жаловалась на боли в сердце, но лечиться не соглашалась. «Авось, обойдётся», – отговаривалась она. Но не обошлось, ночью случился сильнейший приступ, пока вызвали «Скорую помощь», что было непросто из-за отсутствия телефонов, время было потеряно. Бабушку увезли в больницу, и там она умерла. Для Романа это был удар, родственников у них в городе не было, денег тоже, и он сидел в комнате, обхватив голову руками. Соседи ему сочувствовали, утешали, что-то предпринимали для похорон, но дело двигалось медленно.

Земфира узнала о смерти бабушки. Она забежала в квартиру,

обняла Романа за плечи.

– Эй, кхаморо, – произнесла она, на глазах блестели слёзы. – Беда, большая беда, но ты не один. Вот увидишь, без помощи не останешься.

Она убежала. Потом Роман узнал, что «кхаморо» по-цыгански означает «солнышко». Земфира вернулась через час, с ней был пожилой мужчина и два парня.

– Это мой отец, – сказала она. – Наш баро, его зовут Деметр, а это мои братья.

Баро был невысоким, кряжистым мужчиной. Седина проглядывала в волосах, лицо тёмное, как у всех цыган, в мочке правого уха блестела серьга. Он сел напротив Романа на стул, сыновья стояли рядом.

– Не раскисай, Роман, – сказал Деметр и коснулся рукой его плеча. – Похороны твоей бабушки мы берём на себя. Я отправил своих ребят на кладбище, к обеду могила будет готова. Гроб заказали, с машиной договорились, поминки справим в кафе. Спрашивается, какие проблемы? Ты – мужчина и веди себя по-мужски. Бабушку твою похороним по нашему обычаю. Сегодня же, не будем ждать три дня. У нас это не принято. Мы – кочевой народ, родной человек долго живёт в нашей памяти, а тело быстро отдаём земле. Ты не возражаешь?

– Какие возражения? – пробормотал Роман. – Спасибо вам. У меня есть немного денег, возьмите.

Деметр махнул рукой.

– Вот и оставь их себе. Разбогатеешь, рассчитаемся.

Похороны прошли быстро, поминки справили, хотя не все соседи пришли. В доме было много новых жильцов, и потом не все хотели сидеть рядом с цыганами. Сказалось извечное неприятие этого беспокойного племени. Сработало застарелое опасение, как бы чего не вышло ...

После поминок баро не отпустил Романа домой. «Чего тебе там делать? – рассудил он. – Горе надо изживать среди людей, тогда оно не так сердце рвёт».

Табор разместился за городом, на берегу небольшой речки. На зелёной лужайке установили с десяток шатров из плотной ткани.

Они выгорели от солнца и походили на бурые копны сена. Неподалёку от них росли плакучие ивы, вербы и акации, дающие густую тень, где можно было укрыться от солнца в знойный полдень. Поодаль, у песчаного косогора, стояли повозки с тентами, а за ними на просторной лужайке паслись лошади. У шатров горели костры, на которых в котлах готовили ужин.

До табора добирались пешком, он находился неподалёку от того квартала, в котором был дом Романа.

Пожилые цыганки суетились возле очагов, помешивали варево, булькающее в котлах. Мужчины занимались своими делами. Одни рубили дрова, другие стучали молотками в кузнице, третьи чинили конскую упряжь. Там же были и парни. Девушек и молодых женщин не было видно. «Наверное, занимаются своим промыслом, – подумал Роман, – на базаре, вокзале, в аэропорту».

Много было детей. Увидев незнакомого человека, побежали к нему, но баро крикнул на них: «Геть, чавеле!», и детвора разбежалась.

Земфира шла рядом с Романом. «Не подпускай детей к себе, – посоветовала она парню. – Живо карманы очистят. У нас это просто».

Дементр завёл Романа в свой шатёр. В нём было темно, дневного зноя не ощущалось. На земле, на брезенте, были расстелены одеяла, разбросаны подушки.

– Садись, отдыхай, – распорядился баро. – Я думаю, утомился за день.

И верно, Роман чувствовал усталость. В висках ощущалась сильная боль, тело словно залило свинцом. Он опустился на одеяло, прилёг на подушку и закрыл глаза.

Земфира заглянула в шатёр, что-то спросила у отца. Тот коротко ответил ей. Говорили по-цыгански, и Роман не понял, о чём шла речь.

– Пока поспи, – посоветовал Дементр, – часа через два будем ужинать.

– После поминок, какая еда? – отозвался Роман. – В горло ничего не полезет.

Баро махнул рукой.

– У нас борщ с огня, из свежих продуктов. Никакая еда с ним не

сравнится.

И, правда, Роман ел с аппетитом, после ужина почувствовал себя бодрее.

– Баро, – обратился он к Деметру, – как мне благодарить вас?

– Э, дорогой, – баро махнул рукой, – есть вещи, за которые не благодарят. Мы ведь все люди, одни темнее, другие светлее, а сущность у всех одна. Ты почти что калес, смуглый, черты лица цыганские. Наверное, у вас в роду были цыгане?

Роман отрицательно покачал головой.

– Не знаю, бабушка не говорила. Хотя сама тоже была смуглая и черноволосая.

– Стало быть, кто-то у вас был из цыган, – рассудил Деметр. – Я ведь почему не возражал, когда узнал, что Земфира объявила тебя своим ромом? Посмотрел на тебя со стороны и подумал, что ты нашу породу не испортишь. Наши предки сотни лет назад вышли из Индии и Пакистана и рассеялись по миру. Жили среди многих народов, но не утратили своей сущности, не смешались с ними. Спрашивается, почему? Потому что наш цыганский закон запрещает выдавать наших девушек за чужих парней, и мы свято соблюдаем этот закон. Потому мы сохранились, как были ромале чаве, так и остались ими.

– А почему ваши предки ушли из Индии? – полюбопытствовал Роман.

Баро развёл руками.

– Кто теперь точно ответит на этот вопрос? Нас было мало, чем-то наше племя мешало более сильным. Обычное дело в истории. Так же когда-то изгнали евреев из Иудеи...

Деметр поднялся с одеяла.

– Хватит разговоров. Поспи немного, у нас будет время потолковать по душам.

Роман подумал, что вряд ли ему удастся заснуть, слишком сильным было потрясение, пережитое со смертью бабушки и её похоронами. Однако незаметно для себя погрузился в сон и проспал до утра. Он не видел, как Земфира заглядывала в шатёр, касалась ладонью его лба, проверяя, нет ли жара? Пробудился, когда солнце высветлило полог шатра и гомон детворы нарушил

утреннюю тишину.

Роман умылся у речки. Земфира принесла ему кружку молока и кусок лепёшки. Поел, вышел из шатра и подошёл к баро, который разговаривал о чём-то с мужчинами, стоя возле кузницы. Увидев Романа, баро отрицательно покачал головой.

– Никаких разговоров, о серьёзном потолкуем дня через три.

Роман пошёл в город. Весть о том, что цыгане похоронили русскую бабушку, разнеслась по городу. Те, кто знал парня, выражали ему сочувствие, и у всех в глазах проглядывало любопытство: как же получилось, что цыгане пришли ему на помощь? Но не спрашивали, а сам он не спешил объяснять, слишком много ушло бы на это времени. Но, надо сказать, отношение к цыганам в городе не изменилось, их содействие горожане расценили как очередное плутовство.

Роман зашёл домой и удивился. Полы были вымыты, в комнатах наведён порядок, шторы на окнах задёрнуты. Полумрак и ощущение безлюдья. «Должно быть, Земфира с сёстрами постарались», – подумал Роман. В душе возникло чувство благодарности и тепла к девушке, которая так неожиданно вошла в его жизнь и стала близкой, хотя каких-то полгода назад он и не подозревал о её существовании.

Роман снова начал ходить в школу учиться, надо отдать должное одноклассникам, они не надоедали ему соболезнованиями. Все вели себя как обычно, и он был признателен им за это. Ибо нет ничего худшего, чем навязчивое внимание. Завтракал он дома, еда была немудрёной: хлеб, чай, сахар, немного колбасы или сыра. Обедал в школьной столовой, не очень сытно, но дёшево, а ужинал в таборе, где его встречали, как своего. Старался расходовать оставшиеся деньги экономно, но они уходили, и вопрос – как жить, встал во всей остроте.

Деметр не спешил с серьёзным разговором, и Роман уже начал тревожиться, хотя первым разговор не начинал.

В один из вечеров, после ужина, баро жестом руки дал знать, чтобы оставили их с парнем одних. Цыгане вышли из шатра.

– Пришёл в себя? – спросил он после недолгого молчания.

Роман согласно кивнул.

– В общем-то, да. Но я потерял единственного дорогого мне человека, а такая потеря невозполнима. Теперь вот думаю, как мне быть дальше?

– И как? – поинтересовался Деметр.

– Пойду работать. На авторемзаводе набирают учеников слесарей, на три месяца. Потом направляют в бригады. Школу придётся оставить, пойду в вечернюю.

– В общем, разумно, – согласился баро. – Но тебе только что исполнилось семнадцать лет, а на производство берут с восемнадцати. Это одно. И другое, образование в вечерней школе не сравнить с дневным, а ведь ты хочешь поступать в Горный техникум. Хватит ли знаний, чтобы сдать вступительные экзамены?

– Я уже думал об этом, – признался Роман, – но другого выхода не вижу.

– Есть и другой выход, – Деметр коснулся рукой его плеча. – Сделаем так: я покупаю у тебя квартиру. На сегодняшний день она стоит двадцать тысяч рублей. Всех денег я тебе на руки не дам, ты ещё не умеешь обращаться с ними.

Роман вопросительно глядел на главу цыганского табора, ожидая продолжения разговора.

– Не беспокойся, продажу квартиры мы оформим, как полагается, у нотариуса, но жить ты будешь по-прежнему в ней. Купля-продажа будет условной. Я буду выдавать тебе каждый месяц двести рублей. Этих денег, плюс твоя пенсия, тебе будет хватать. Когда начнёшь жить самостоятельно, подсчитаем расходы. Захочешь сохранить за собой квартиру, вернёшь мне полученные деньги. Захочешь уехать куда-либо, получишь остаток суммы, а квартира перейдёт нам. Что ты скажешь на это?

Роман поразмыслил.

– Слов нет, предложение стоящее, – признал он. – Но одно мне непонятно. Ваш табор кочевой. Ближе к зиме вы захотите перебраться в другое место, поудобнее, и что тогда будет с моей квартирой и со мной тоже?

Баро согласился с парнем.

– Рассуждаешь ты разумно. Но я тебе скажу то, о чём не все наши цыгане знают. Времена меняются. Прежние традиции изживают

себя. Сегодня кочевая жизнь идёт во вред цыганам. Мы не устроены, нет уверенности в завтрашнем дне, вопрос выживания стоит остро. Одними подаяниями и нищенством не проживёшь. Дети не получают образования, профессий не имеют, что остаётся им – воровство? Прямой путь в тюрьму... Пора оседать на одном месте, из кочевых цыган становиться осёдлыми.

Чкаловск нам нравится. Спокойный, уютный город. Зелёный, порядок в нём, никакого хулиганства. Решили мы остановиться в Чкаловске. Мы уже прикупили четыре дома с участками. Семьи у нас большие, нужна земля, чтобы завести коров, овец, домашнюю птицу ... Иначе как прокормишься?

– Вот вам, зачем моя квартира! – догадался Роман.

Деметр не согласился с ним.

– Квартиры нам не нужны, в них только ночевать. Для хозяйства нужны дома с дворами.

– Но ведь дома с участками дорого стоят, – вслух поразмыслил парень. – Много денег потребуется.

Баро согласно кивнул.

– Это так. Будем зарабатывать. Летом увидишь, откуда берутся деньги. Твою квартиру я куплю, чтобы помочь тебе. Ну и потом, это вложение денег: купил подешевле, продал подороже.

Деметр помолчал, явно собираясь с мыслями.

– И ещё вот что, дорогой мой Роман. Парень ты симпатичный, настоящий ромале чаве. Молодой только – один недостаток, но это пройдёт. Земфира постарше тебя, горячая, увлекающаяся, настоящая цыганка. Смотрите, не заиграйтесь, потерпите хотя бы год. Вы подходите друг другу, я рад за вас, – не совсем логично завершил наставление баро.

Роман втайне подивился. И Деметр, и дочь говорили о его будущем, как о деле решённом, хотя сам он ни о чём серьёзном с Земфирой не помышлял. Молоды, это точно, и к разным народам принадлежат, получится ли из их союза что-либо путное? Вспомнились строки Пушкина: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань...» А цыгане впрягают их, не поинтересовавшись мнением Романа.

Но как бы то ни было, а цыганская жизнь понемногу захватывала

парня, он даже спортивную гимнастику забросил. Особенно нравились ему лошади, умные, красивые животные. Парень ухаживал за ними, выпасал, купал в речке, учился запрягать в повозки и ездить на них верхом. Как-то в городе, в выходной день, он встретил Хелемендика Ивана Григорьевича, начальника строительного управления. Хелемендик был другом его покойного отца. Поговорили о том, как живётся Роману. Хелемендик знал, что парень прибил к цыганскому табору. «Надо было ко мне прийти, – посетовал он. – Я бы нашёл тебе занятие. Но и так неплохо. Я знаком с Деметром, мужик толковый, основательный». И тут Романа осенило. Как-то баро сказал, что много топлива уходит на очаги, а взять его негде. Сухие деревья все срубили, а верблюжьей колючки много ли наберёшь? «Иван Григорьевич, у нас много дров расходуется, – обратился он к начальнику управления. – У вас ведь свой деревообделочный цех есть. Наверняка, опилки остаются, остатки досок от деревянных конструкций. Не могли бы вы ими с нашим табором делиться?» Хелемендик с интересом посмотрел на парня.

«Вижу, настоящим цыганом становишься. Конечно же, отходы есть. Мы их продаём соседним кишлакам, но вас бесплатно можем снабжать. Приезжай, заберёшь».

Деметр по-настоящему обрадовался решению острой проблемы.

«Спасибо, чавеле, – прочувствованно сказал он. – Прекрасный выход для нас. Бери повозку, бери лошадь, будешь нашим снабженцем».

И Роман раз в неделю отправлялся на повозке в строительное управление. Загружал там обрезки досок и опилки и возвращался в табор с довольным видом. Приятно чувствовать себя при деле и быть полезным табору, с которым он уже сроднился. Понемногу учился говорить по-цыгански. Язык был несложным, сам ложился в память. К удивлению Романа, встречались слова, которые он считал русскими. Видно, позаимствовали их у цыган. Это были «стырить – украсть», «хавать – кушать», «лабать – играть на музыкальных инструментах» и другие. Их воспринимали как блатные, а, на самом деле, они были цыганскими.

Земфира всё больше времени проводила с ним. Воровство

забросила, больше зарабатывала гаданием. Училась готовить еду, и уже неплохо это у неё получалось. Наводила порядок в квартире, вместе обедали, иногда спала дома на диване. Как-то вечером Роман предложил ей: «Куда пойдёшь, уже темнеет? Оставайся ночевать».

Она искоса посмотрела на него.

«Отец приказал, чтобы я обязательно приходила на ночь в табор. Как я могу послушаться его?»

Однажды, после обеда, Земфира достала колоду карт и веером раскинула их на столе.

– Давай я тебе погадаю. Ты должен знать свою судьбу.

Роман не верил в гадание и махнул рукой.

– Потом как-нибудь.

Молодая цыганка не согласилась с ним.

– Зачем как-нибудь? Ты должен знать, что тебя ждёт.

Карты так и летали в её руках, шелестели, ложились одна к одной. Земфира что-то бормотала по-цыгански.

– Есть, готово, – объявила она. – Слушай, золотой мой. Карты говорят, что ты не зря прибился к табору. Ты потерял близких тебе людей и обрёл родных. Жить тебе недолго, но много сделаешь доброго для нашего народа.

– Сколько буду жить? – перебил её Роман.

Гадалка отрицательно помотала головой.

– Сколько, карты не говорят. Недолго, но это, может, и десять, и двадцать лет. Не до старости. Но не торопись помирать, жизнь у тебя будет интересная. Ждёт тебя дальняя дорога, чужие края тебя примут, как своего. Сюда уже не вернёшься...

– А ты? Ты где будешь? – допытывался Роман.

Земфира перетасовала карты, снова разбросала их на столе.

– Нам с тобой разлука не грозит. До самого конца будем вместе. Сын у нас будет.

– Вот это здорово! – обрадовался Роман. – Что ещё?

Земфира собрала карты.

– Хватит с тебя, ромале чаве. Потом как-нибудь доскажу остальное.

Время текло незаметно. Роман окончил школу.

– Буду поступать в техникум, – сказал он Деметру.

Тот смерил парня пристальным взглядом.

– Другим делом займёшься.

– Каким?

– Не спеши, скоро узнаешь.

На лето цыгане уезжали на заработки.

На сороковом километре Варзобской дороги, соединявшей Душанбе с Худжандом, вправо, в горы, уходило глубокое ущелье. Оно поросло ореховыми деревьями, боярышником, барбарисом и хурмой. На горные склоны взбегали альпийские луга, пламеневшие от разнотравья. Растительный мир поражал изобилием.

Табор приезжал сюда и размещался в неглубокой штольне, которую пробили в склоне геологи, проводившие в этих местах поиск полезных ископаемых. В штольне было прохладно даже в самые знойные дни и было где укрыться от дождей, выпадавших в горах. Женщины и дети собирали плоды и ягоды, везли и продавали их на городском базаре, целебные растения, которыми изобиловали альпийские луга, сдавали в аптеки. Всё это приносило табору неплохой доход.

Близ центральной дороги виднелся небольшой пустырь, на котором обосновались цыгане-мужчины. Они оборудовали там стоянку для большегрузных машин. Были также автомойка, кузница, газовая сварка, слесарный участок, небольшой магазин с запасными частями. Водители на стоянке могли отдохнуть после долгого пути через горные перевалы, вымыть запылённые автомобили и отремонтировать их, если в том была нужда.

Роман освоил кузнечное дело, слесарные операции и был хорошим подмастерьем взрослым мужчинам. Он влился в таборную жизнь и уже не чувствовал себя одиноким. Цыгане приняли его, как своего.

Как-то днём, прочищая засорившийся карбюратор старенькой «Волги», он задумчиво напевал. Деметр, находившийся рядом, прислушался.

– Да ты знаешь, – сказал баро, – у тебя хороший голос?

Роман улыбнулся.

– Знаю. В прошлом году в нашу школу приезжали преподаватели из Душанбинского музыкального училища. Учеников заставляли петь,

выявляли способных исполнителей. Мой голос поразил их. Мне предложили поступить в училище, но я не захотел оставить бабушку и, кроме того, хотел получить аттестат зрелости, чтобы учиться дальше. Аттестат мог получить и в училище, а вот с бабушкой была проблема. Она болела, и кроме меня заботиться о ней было некому. Договорились, что после школы снова приедут за мной.

– Никаких училищ, – категорически возразил баро. – Тебя другое занятие ждёт.

– Какое? – удивился Роман.

– Скоро узнаешь. А что ты пел на прослушивании?

– Итальянскую песню «Белла, Белла донна».

– Э-э, – удивился Деметр – Откуда ты её знаешь?

– У нас дома был старенький радиоприёмник, – пояснил парень. – Я часто слушал по нему концерты. У меня хорошая память, и, если песня понравилась, я запоминал её с первого раза.

– А ну, спой.

Роман запел. Все, кто находились на автостоянке, и слесари, и водители, собрались вокруг него.

Белла, Белла донна,
Донна дорогая,
Я тебя в таверне
На закате ожидаю.

Пахнет там прибоем,
Солью и смолою,
Старого вина нальёт хозяин
Нам с тобою.

«Баракалло!», «Отлично!» – баро захлопал в ладоши. Собравшиеся тоже зааплодировали. – У тебя талант! Большие возможности нам открываешь!»

На деньги, которые цыгане собрали за лето, они купили два дома и открыли в Чкаловске ресторан, получивший название «Эй, чавеле!» Ресторан стал популярным с первого дня после открытия. Роман пел цыганские песни, небольшой оркестр из гитары, скрипки и бубна сопровождал игрой его пение. Девушки,

и среди них Земфира, танцевали. В ресторане царила атмосфера подлинного веселья. Отдохнуть, послушать песни и музыку приезжали из Худжанда, Исфары, Канибадама.

«Ты наше открытие! – говорил Деметр, хлопая парня по плечу. – Ты настоящий цыган. В этом нет никаких сомнений».

Из музыкального училища приезжали за Романом, но Деметр не отпустил его. Он отвёл преподавателей в сторону, о чём-то переговорил с ними, и они оставили Романа в покое.

Наконец-то баро открыл Роману свой секрет.

– У нас есть легенда, – рассказывал Деметр, проводя пальцами по густой бороде. – Однажды Бог путешествовал по миру, сильно устал и решил отдохнуть. Рядом расположился табор. Цыгане играли на музыкальных инструментах и пели так звонко и красиво, что Бог заслушался. Он даже не заметил, как ушла усталость, и веселье цыган передалось ему. «Вы талантливый народ, – сказал Бог цыганам. – Ваше умение развлекать людей и дарить им хорошее настроение должно принадлежать всем людям. Вы не должны быть привязаны к одной какой-то земле, для жизни я отдаю вам весь мир. Пойте, танцуйте, развлекайте народы, и будет на это вам моё благословение». Так мы стали племенем, получившем одобрение самого Бога, и наш талант признан всеми.

– Мой секрет – вот какой, – продолжал баро. – Я тебе говорил, что пора положить конец кочевой жизни нашего народа. Мир развивается, совершаются великие открытия, а цыгане остаются в стороне от всего этого. Их умение петь и танцевать, сохранять свою самобытность признаны во всех странах, но при этом цыган не уважают, их сторонятся, унижают. Этот разрыв между развитыми народами и нашими ромале чаве ширится, всё более очевиден. Цыгане необразованны, ведут полудикий образ жизни, вобрали в себя все людские пороки, такие как воровство и обман. Пока нас терпят, но придёт такое время, когда общество будет отторгать цыган, как отторгает организм заболевший орган. Нужно ли дожидаться этого? Я думаю, нет. Первое, что нам нужно сделать, это положить конец кочевому образу жизни. Мы должны стать осёдлым народом. Тогда наши дети смогут учиться в школах и институтах, станут не только грамотными, но

и освоят профессии, будут полезными обществу, а это путь к признанию и равноправию.

Уже есть цыганские писатели, которые поднимают такие вопросы в своих книгах.

Во Франции есть режиссёр Тони Гатлиф. Пока он снимает документальные фильмы о жизни нашего народа, но задумал снять художественную картину. Это должны быть и экзотика, и драма и песенное содержание. О тебе написали в одной французской газете, журналист рассказал, как цыганский табор помог русскому парню в трудный период, и теперь парень стал приёмным сыном в таборе. Журналист описал наш труд в горах и жизнь в пещере, о том, как девушка-цыганка нарушила традицию, сама избрав себе ромом русского парня.

Как видишь, в твоей истории есть всё: и удивительная история, и лирика, и русский парень, ставший исполнителем цыганских песен.

Тони Гатлиф прочитал эту статью и задумал историю нашего табора положить в основу своего художественного фильма. Такая картина может стать сенсацией для всех стран мира. Это будет не только экзотика, а и правдивое повествование о том, как меняется психология цыган, как время формирует новое сознание древнего народа...

Демир говорил негромко, склонившись к Роману, и оттого его рассказ звучал доверительно, носил характер раздумья. Русский язык у него был хорошим, он ясно и чётко выражал свои мысли.

– И я должен буду сниматься в фильме Тони Гатлифа? – спросил Роман. Такого он даже не мог себе представить.

Баро улыбнулся.

– А почему нет? Ты неглупый, образованный парень, и твоя история необычна. У тебя красивый голос, ты похож на цыгана, и песни в твоём исполнении обогатят фильм. Ты настоящая находка для французского цыгана-режиссёра.

– Он приедет сюда? – осведомился Роман.

– А как иначе? – ответил Демир вопросом на вопрос. – Он должен увидеть нашу жизнь своими глазами.

– И когда приедет?

– Я думаю, к концу осени. Ему интересно познакомиться с нашим

бытом в горах. До сих пор цыган показывали в степях, городах, а вот в горах – это будут удивительные эпизоды.

– Вот это да! – Парень был ошеломлён. – И Земфира тоже будет сниматься в кино?

Баро кивнул.

– Какое кино без вас обоих? Она будет настоящей находкой для цыганского режиссёра. Поёт, танцует. Кроме того, решительная и самостоятельная девушка.

Цыганский режиссёр приехал в середине октября. В Таджикистане это была благодатная пора. Жара уже отступила, но до похолодания было далеко. Солнце мягко пригревало, высвечивая золото начавшегося увядания растительного мира. Могучие чинары не собирались поддаваться дыханию близящейся осени, а вот рощи грецких орехов уступали пока ещё слабому её напору. Небо выцвело, бледная синева простиралась над горами. В воздухе плыли серебристые нити паутин, вспыхивая под солнцем радужными переливами. Вода в горной речке приобрела стальной оттенок, и уже не манила своей прохладой.

Тони Гатлиф оказался таким, каким его представлял себе Роман. Высокий, худощавый, с резкими чертами лица, которое словно было вырезано из морёного дуба. Полоска усов и небольшая бородка окаймляли лицо едва заметной рамкой.

Гатлиф выглядел настоящим цыганским аристократом. Светло-серый костюм подчёркивал его стройную фигуру, белая рубашка и зеленоватый галстук непривычно смотрелись в горах, но одеваться проще он явно не собирался.

Вместе с цыганским режиссёром приехали его менеджер, француз, полный, лысоватый, с неуёмной энергией. Кинооператор, напротив, был обстоятельным, неторопливым, говорил мало, больше жестикулировал.

Тони Гатлиф уже разменял шестой десяток, но седина ещё не проглядывала в волосах. Держался он прямо, походка была уверенной и быстрой.

Режиссёр знал французский и английский языки, но с цыганами говорил по-цыгански, хотя Деметр сказал, что его диалект отличается от того, на котором изъяснялись в таборе. Менеджер

Гатлифа был и переводчиком, хотя его русский язык оставлял желать лучшего, но понять можно было.

Приезжих разместили в небольшом пансионате на берегу горной речки, закрепили за ними «ГАЗик», чтобы они могли бывать в местах натуральных съёмок.

Тони Гатлиф присматривался к таборным цыганам, беседовал с ними, смотрел, как налажен их быт. По всему было видно, что он доволен.

– Твои люди не утратили цыганского своеобразия, – сказал он Деметру. – Это то, что мне нужно. В европейских цыганах уже есть нарочитость в поведении, они стараются больше казаться цыганами, чем быть ими на самом деле.

Роман и Земфира пришлись по душе французскому режиссёру. Он провёл с ними несколько кинопроб, отметил, что держатся они естественно, нет скованности, быстро улавливают, чего от них хочет режиссёр, и выполняют его указания.

– Они будут главными героями моего фильма, – сказал Гатлиф Деметру. – Лучших мы не найдём.

Понравились ему и песни Романа.

– Хорошо, что ты не учился петь профессионально, – одобрил режиссёр. – Ты не утратил индивидуальности, нет подражания известным мастерам сцены, от чего потом трудно избавиться.

С Романом Тони Гатлиф говорил по-цыгански, и к своему удивлению парень понимал почти всё, так что проблем в общении не было.

– Хорошо, что ты русский, – заметил Тони Гатлиф, – но в тебе есть что-то от цыган, и это ценно для нашего будущего фильма. Цыгане приняли тебя в табор, и ты стал для них своим.

Режиссёр одобрительно относился к Земфире.

– Удивительный талант перевоплощения, – говорил он. – Да, она не красавица, но она подлинная цыганка. Решительная, независимая, знает, с кем и как себя держать.

По этому поводу Земфира заметила: «Хотя я в шерсти хожу, но нравом не в овцу».

Тони Гатлиф от души расхохотался, услышав цыганскую поговорку, которая пришлась кстати.

Больше месяца прожил цыганский режиссёр в горах вместе с табором.

– Это поразительно, – не уставал он повторять. – Лучшей природы и лучших актёров для своего фильма я не найду. Я просто вижу свой будущий фильм. В тех странах, где живут цыгане, он станет настоящим открытием.

Твоя фамилия хороша для русских, – заметил он Роману, – но для цыган и твоей новой жизни она не подходит. Нужно подобрать тебе что-то цыганское.

Дня через два Тони Гатлиф предложил.

– Ты будешь Роман Шалоэр. Это красиво и это по-цыгански.

Режиссёра беспокоило, как быстро осень обживает в скалистых горах.

– Надо спешить, – говорил он, – для первой части фильма такая натура подходит, а вторую часть мы снимем весной. Это будут два контрастных изображения. То, что нужно для нашего лирического повествования.

Тони Гатлиф надиктовал менеджеру несколько цыганских песен, тот записал их по-русски и отдал Роману.

– Учи и напевай их. Они войдут в наш фильм. Старайся, режиссёр не делает актёрам никаких скидок.

Писать подробный сценарий не было времени. Режиссёр набрасывал сценарные планы и проводил по ним репетиции. Сценарий второй части он намечал написать в Париже.

Тони Гатлиф действительно был требовательным режиссёром.

– Работайте ответственно, – говорил он Роману и Земфире. – Мы с вами закладываем основы цыганского кинематографа. По этому фильму наши последователи будут учиться созидательному мастерству.

Время поджимало. Съёмки шли с утра до вечера, один дубль следовал за другим. Тони Гатлиф добивался от актёров подлинного мастерства при естественной игре. Это было тяжело, и Роман не раз жалел, что угодил в жёсткую западную кинематографа. То, что на экране было интересным и казалось несложным, на самом деле достигалось большими усилиями и нескончаемым терпением.

– Наймэ, у меня получается или нет? – спрашивал он у режиссёра. («Наймэ» – так уважительно обращаются молодые цыгане к старшим). – Сам я не очень доволен.

– Лишь бы я был доволен, – отвечал Тони Гатлиф, и съёмки шли своим чередом.

История русского парня, которого принял цыганский табор, уже обретала своё воплощение. Цыганская девушка избрала его своим ромом. Поначалу он противился этому, но сила чувства Земфиры была такой, что он стал отвечать ей взаимностью.

И всё это происходило на фоне громадных гор, поросших лесом. Облака ложились на зубчатые вершины и, казалось, приминали их своей тяжестью. Скалы проглядывали в проёмах облаков, и чудилось, что они приподнимаются на цыпочки, чтобы совсем не исчезнуть из поля зрения.

Съёмочная камера запечатлевала новую жизнь цыган, которые добывали средства к жизни не плутовством и обманом, а трудом в тех же самых горах.

Первая половина фильма была готова. Теперь предстояли съёмки в Париже. По замыслу режиссёра Роман Шалоэр становится известным певцом, и цыганская община во Франции приглашает его на гастроли.

Зимой Роман совершенствовал своё мастерство исполнителя цыганских песен, а весной Париж распахнул перед ним свои площади и проспекты. Город походил на сказку, и парень упивался его волшебным своеобразием. Дни проходили в съёмках, а вечерами он пел в кафе и ресторанах, где собирались русские эмигранты и их потомки, и получил признание. Ему аплодировали, плата была щедрой, и он передавал её большую часть своему родному табору на осёдлую жизнь. Не верилось, что каких-то три года назад, после смерти бабушки, он размышлял, как жить дальше и как прокормиться.

Земфира была с ним, он стал её ромом. Оригинальность молодой цыганки не поддавалась описанию, и режиссёр поражался её артистическому таланту.

Послушать песни Романа Шалоэра приходили известные парижские цыгане Алёша Дмитриевич и Алексей Дулькевич. Они тоже

одобрительно отзывались о его исполнительском мастерстве, но при всём этом Алексей Дулькевич оставался недовольным.

– Ты идёшь уже проложенным путём, – говорил он Роману, – а твоё своеобразие требует собственного самовыражения. Какого именно, не могу сказать. Нужно подумать, но ты, как певец, должен обрести индивидуальность.

Роман размышлял над этим. Он понимал правоту известных исполнителей и искал свой путь в цыганском искусстве.

Озарение пришло внезапно, когда он пел, изливаясь Земфире в чувствах. Он подумал: хорошо, если бы она отвечала ему. Это он объясняется ей в любви, а она отвечает лишь мимикой и выпадает из действия. А что если и она будет петь ответно?

Роман поделился своим соображением с режиссёром, Тони Гатлиф поразмыслил.

– Дуэт в искусстве – не новость. Он звучит в оперных спектаклях, он и в опереттах. Но ты прав, для цыганских песен это находка. Такого прежде не было. Нам для фильма нужны другие песни, не сольные, а именно дуэт, ведь мы снимаем музыкальную мелодраму. И в то же время, наш фильм – это раздумье о том, как новое время меняет привычный уклад цыганской жизни. В нём, так сказать, соединение философии и лирики. Это обогатит картину, усилит её зрелищность.

Тони Гатлиф заказал поэтам тексты таких дуэтов. Роман и Земфира разучили их и исполнили. Эффект был сверх ожидания. Любители цыганских песен по достоинству оценили новшество. Так был создан цыганский дуэт.

Съёмки художественного фильма завершились. Он получил название «Судьба цыганская». Его смонтировали, озвучили, а когда состоялась премьера, весь Париж собрался в кинотеатре. Это была и впрямь экзотика, помноженная на высокое мастерство режиссёра и актёров. Иными словами, родилось цыганское игровое кино, которого не было раньше.

Новая картина получила высокую оценку зрителей и критиков. Её показывали в тех странах, где обосновались цыгане, и залы в кинотеатрах не пустовали.

– Моя задача – не только создать цыганский кинематограф, но и

посредством кино изменить отношение в обществе к цыганам, – говорил журналистам Тони Гатлиф, – негативное отношение, следует признать. Конечно, немалая вина в этом и самих цыган. Хватит гадать на картах, побираться, нищенствовать, обманывать, делая вид, что изгоняют тёмные силы, и прочее. Нужно давать детям образование, помогать им осваивать специальности, вписываться в современную жизнь, а не паразитировать на ней.

Писатели тоже преуспели в создании негативного образа цыган, хотя бы тот же Проспер Мериме с его повестью «Кармен», – пояснил Тони Гатлиф. – Цыганка Кармен получила всемирное признание, потому что вышла за рамки авторского замысла. Читатели облагородили её, сделали романтической героиней.

Тони Гатлиф замыслил создать сериал цыганских фильмов, и первая попытка была обнадеживающей. Роман Шалоэр и Земфира должны были стать сквозными образами в его картинах.

Роман продолжал оттачивать своё исполнительское мастерство. Он хорошо играл на гитаре и часто сопровождал игрой на ней свои песни. Сам сочинял тексты на цыганском языке и пел на двух языках – цыганском и русском, что придавало выразительность его песням.

Он прослушивал записи своих песен, и теперь, став зрелым исполнителем, оставался недоволен ими. Цыганским песням присуща однотипность, как в содержании, так и в манере их подачи. В основном, это любовь или сетование на злосчастную судьбу. Расчёт, так сказать, на внешний эффект, а где же глубина содержания, философское осмысление жизни, что присуще русским романсам? Но цыганские песни не стоит уподоблять русским песенным жанрам, решил Роман Шалоэр. Им больше подходит французский шансон, когда исполнитель сам же является автором слов и музыки. В его песне раздумье, личностное отношение к тому, о чём поёт. И Роман стал искать подходящее сочетание французского шансона и цыганской песни. Поначалу попытки не удавались. Цыганские песни, обогащённые раздумьем, теряли свою разудалость, а ведь именно за это ценили их почитатели цыганской романтики... Следовало приучить слушателей к новому звучанию цыганской классики, расширить границы её

выразительности. Затем пришло время и цыганского романса.

Не сразу, но парижане признали исполнительскую палитру Романа, оценили его новшества.

Роман Шалоэр стал почитаться как создатель цыганского лирического дуэта и цыганского шансона, хотя в них тоже преуспевали Алёша Дмитриевич и Алексей Дулькевич.

Роман много ездил с гастрольями по зарубежным странам. Не везде его встречали одинаково. Если европейская публика отдавала должное его исполнительскому мастерству, то цыгане, случалось, выражали недовольство и демонстративно уходили из зала. Роман Шалоэр понимал причину такого неприятия его песен. Тут сказывались непонимание, а зачастую и ревность. Как это так, русский, прибившийся к цыганам, представляет их на эстраде и, образно говоря, срывает цветы популярности? Не принимались и те новшества, которые вводились в цыганское искусство. Ломались песенные каноны, нарушалась традиция, и это вызывало недовольство коренных цыган. Роман стоически воспринимал такую реакцию. Он понимал: нужно время, чтобы слушатели оценили богатство цыганского шансона и приняли его. Недаром существует такое понятие как «террор среды». Всё, что выбивается из устоявшихся, общепринятых рамок, поначалу изгоняется, и лишь потом, спустя какое-то время, получает одобрение и становится привычным.

Режиссёр Тони Гатлиф советовал Роману больше заниматься игрой в цыганских фильмах и пока прекратить гастрольные поездки. Но артист не соглашался. «Под лежащий камень вода не течёт, – говорил он. – Нужно расшевелить его, и тогда он не будет мешать течению».

Для очередной поездки Роман Шалоэр избрал Румынию. На этот раз он поехал один, без Земфиры. Она ждала ребёнка. В Бухарест ансамбль Шалоэра приехал под вечер, а утром Романа обнаружили лежащим на тротуаре у центрального входа в отель. Он был мёртв, выпал с балкона номера на восьмом этаже. Версия была такова: он перегнулся через ограждение балкона, потерял равновесие и упал. Говорили, что он страдал высотобоязнью, это

и стало причиной трагедии. Но Тони Гатлиф и Земфира не соглашались с этим. Они утверждали, что Романа сбросили с балкона те, кто ревностно относились к его популярности и ненавидели за ломку песенных цыганских традиций. Не исключалась и версия ограбления.

Роману Шалоэру не было тридцати лет. А дальше произошло то, что является характерным для судеб эстрадных звёзд. Его имя забылось, уж очень коротким был его артистический век. Зато цыганский дуэт, романс и шансон прижились и звучат со сцены многих цыганских театров. Так, французский певец Алексей Дулькевич ныне основной исполнитель цыганского шансона.

Земфира после гибели своего рома не захотела оставаться во Франции. Она ощущала себя одинокой, хотя соплеменников в Париже было немало. Не привлекала больше работа и в художественном кино, без Романа Шалоэра оно как бы обесцветилось, утратило свою притягательность. И Земфира вернулась в Чкаловск, где десять лет назад встретила со своим ромом и обрела с ним свою судьбу. Она стала хозяйкой цыганского ресторана «Эй, чавеле!», но сама больше не пела, слишком неизбежной была утрата того, что составляло суть её жизни.

Леонид ЧИГРИН,
(Таджикистан). Некаҷалар